

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-275-287>

Научная статья / Research article

Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в.

Павел Сергеевич Муравлев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ muravlevpavel13@gmail.com

Аннотация: На основе анализа содержания понятия «коррупции» в законодательных актах и нормативных документах, а также источниках личного происхождения выявляется и раскрывается противоречивое отношение дворянства к коррупции, получившему широкое распространение в чиновничьей среде. Подчеркивается, что некая амбивалентность в его восприятии вытекала из нечеткого определения понятия коррупции в официальных документах, противоречивого отношения самого государства к правонарушениям со стороны чиновничества. В итоге несоответствие между преступным деянием и мерой наказания за него зачастую размывало в дворянской среде границы дозволенного. Кроме того, двойственность восприятия коррупции в своей глубинной основе являлась следствием столкновения пережитков традиционного родового сознания с модернизационными процессами, ведущими к утверждению в дворянском сообществе идей и ценностей Просвещения, прежде всего, чести и достоинства личности. Свою роль сыграл и нарастающий прагматизм российского общества, все чаще вступающий в противоречие с принципом честного служения государству.

Ключевые слова: должностные преступления, государственная служба, чиновничество, законодательство

Для цитирования: *Муравлев П.С.* Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 275–287. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-275-287>

Phenomenon of Corruption in Legislation and Perception of the Russian Nobility of the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century

Pavel S. Muravlev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ muravlevpavel13@gmail.com

Abstract: The article examines the attitude to the phenomenon of corruption by the state and its perception by the Russian nobility of the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries. Based on the phenomenological analysis of the corruption concept in legislative acts and regulatory documents, as well as sources of personal origin, the article reveals the contradictory attitude of the nobility to corruption, which has become widespread in the environment of the officials. It is emphasized that a certain ambivalence in its perception stemmed from the unclear definition of corruption in official documents as well as contradictory attitude of the state to offenses on the part of officials. As a result, the discrepancy between the criminal act and the measure of punishment often blurred the boundaries of what was permissible in the noble environment. In addition, the duality of the corruption perception in

© Муравлев П.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

its deep basis was the collision result of the traditional tribal consciousness remnants with modernization processes, leading to the affirmation of the Enlightenment ideas and values, primarily the honor and dignity of the individual, in the noble community. The growing pragmatism of Russian society, which increasingly conflicted with the principle of honest service to the state, also played a role.

Keywords: malfeasance, civil service, bureaucracy, legislation, Enlightenment

For citation: Muravlev, P.S. “Phenomenon of Corruption in Legislation and Perception of the Russian Nobility of the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 275–287. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-275-287>

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем влиянием, которое оказывает этос элиты на ценностные установки общества, систему его управления и связи с государством. Особое место в мировосприятии и практической деятельности доминирующей социальной группы занимает ее отношение к коррупции, ставшей в России, согласно устоявшемуся мнению, одним из элементов функционирования государственного аппарата. В знаменитом ответе Н.М. Карамзина на вопрос: «Что делается в России?», – «Крадут»¹, – скрывается не только констатация самого явления, но его восприятие общественным сознанием как некоей обыденности.

Особую остроту проблема коррупции приобрела в современной России из-за двойственности ее восприятия. Дискредитируя сложившуюся систему управления, вызывая социальную нестабильность, неся в себе угрозу безопасности для всей страны, она воспринимается как неизбежное историческое зло, и, мимикрируя, утверждается в определенном сегменте общественного сознания как инструмент достижения собственных целей.

Научное значение темы статьи определяется необходимостью использования при ее разработке современных подходов, заимствованных из арсенала социокультурной истории.

По мере превращения российского дворянства в привилегированное сословие и формирования под воздействием идей Просвещения его духовных ценностей взяточничество как национальная форма коррупции становится объектом размышлений части интеллектуальной элиты страны. Князь М.М. Щербатов в своем труде «О повреждении нравов в России» прямо заявлял, что на протяжении всего XVIII в. коррупция в России развивалась и расцветала: даже судьи перестали опираться на букву закона, и начали «продавать» правосудие².

Следует заметить, что истоки «нравственной порчи» он находил как в природе людей, с их стремлением к беспорядочному удовлетворению своих прихотей, так и во влиянии западных идей и нравов, проникших в Россию с реформами Петра I³.

Описание коррупционных преступлений представил С.М. Соловьев, правда, не ставивший перед собой задачу рассмотрения отношения к данному явлению со стороны дворянства⁴. О широком распространении коррупции, ссылаясь на материалы, собранные И.Т. Посошковым, писал В.О. Ключевский⁵.

Специальные исследования о дворянской службе в XVIII в. провели С.М. Троицкий, П.А. Зайончковский и И.В. Фаизова. В своих работах они затронули проблему причин распространения коррупции среди чиновников, отводя решающую роль экономическому фактору⁶.

¹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 113.

² Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 1991. С. 8–9.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 книгах. Кн. XIV. М., 1994. С. 8–20.

⁵ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 4. Ч. 4. С. 132

⁶ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 266; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.,

Особое место в историографии темы исследования занимают работы Е.Н. Марасиновой, в которых она уделяет значительное внимание концепту дворянской чести и его влиянию на мышление и жизнь дворянина, а также определяет отношение дворянства к некоторым коррупционным явлениям⁷. Впрочем, исследователь рассматривает лишь элиту российского дворянства, практически не затрагивая иные слои дворянского общества. Любопытна работа, опубликованная в сборнике «Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века»⁸. Исследователь, анализируя антикоррупционные указы, «законодательные казусы» и судьбы их «героев», показывает связь официального и частного, закона и реальных практик коррупции.

Весомый вклад в разработку темы внесли исследования Е.С. Корчминой и Л.Ф. Писарьковой, посвященные проблеме соотношения «взятки» и «почести». Историки, используя уникальные архивные материалы, сумели определить границы между «легальной» и «нелегальной» взяткой, была рассмотрена эволюция административной системы и чиновничества в России⁹.

В ряде современных диссертационных исследованиях их авторы специально рассмотрели распространение феномена коррупции на государственной службе¹⁰.

Представленные работы имеют принципиально важное значение в изучении эволюции системы государственных органов, состава чиновничества, его происхождения и положения – социального, политического и экономического. Однако вопрос коррупции в этих работах рассматривается не столько с точки зрения отношения самих служащих к коррупции, сколько с позиций развития антикоррупционного законодательства.

Для определения методологии исследования дворянского самосознания использовались материалы работы уральских историков¹¹. Представленный в коллективной монографии подход исследования «социального» через различные вербальные и невербальные маркеры позволяет проследить не только властный дискурс в процессе формирования границ различных социальных явлений, но и определить потребность общества в тех или иных явлениях, степень легитимации их в обществе, фактическое, а не номинальное отношение общества к ним.

1978. С. 72–76; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 48–51.

⁷ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999.

⁸ Марасинова Е.Н. «Приключения, в свете бывающие»: Эпизоды повседневной жизни провинциального дворянина второй половины XVIII века (по Полному собранию законов Российской империи): Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2021. С. 523–549

⁹ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3; Писарькова Л.Ф. К истории взятки в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII – до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощения. М., 2012; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М., 2019; Корчмина Е.С. «В честь взятки не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Российская история. 2015. № 2. С. 3–13.

¹⁰ Гущева Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006; Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015; Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022; Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Петровский И.В. Этнос российского чиновничества: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2013.

¹¹ Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования: монография / под ред. Д. А. Редина. СПб., 2018. С. 127–264.

Актуальность темы и существующие пробелы в отечественной историографии побуждают обратиться к ее рассмотрению. В основе данного исследования лежат традиционные методы и принципы научного исторического познания. Кроме того, использовался феноменологический анализ и социокультурный подход. Хронологические рамки исследования были выбраны нами не случайно: вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. является переломным периодом в развитии дворянского сословия и его ментальности: освобождение от обязательной службы, закрепление статуса благородного сословия, создание основ для развития гражданского самосознания элиты общества в виде дворянского самоуправления и дворянских собраний, распространение идей Просвещения определили изменения в отношении дворянства к государственной службе и коррупции.

Для определения отношения государства к коррупции были проанализированы все антикоррупционные законы с 1762 по 1825 г. Проблемы реальных практик их использования вскрываются при анализе ряда коррупционных дел фонда Московской палаты уголовных дел, хранящегося в Центральном государственном архиве г. Москвы.

Феноменологический анализ предполагает всестороннее рассмотрение явления, что требует обращения к мемуарам и автобиографиям представителей различных слоев дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. В связи с этим в статье рассматриваются опубликованные мемуары и труды элиты российского дворянства: С.Р. Воронцова, Ф.Ф. Вигеля, И.И. Дмитриева. Занимая важные государственные посты, эти дворяне представили в своих мемуарах взгляд элиты дворянства на масштабы коррупции в России и отношение к этому феномену, что позволяет выявить вербальные и невербальные маркеры этой социальной общности в отношении к коррупции. Для определения отношения к коррупции рядового чиновничества были взяты мемуары Г.И. Добрынина, чьи воспоминания изобилуют примерами коррупции в провинции. Обращение к этим примерам показывает степень вовлеченности чиновничества в коррупционные преступления и реакцию со стороны государства и общества на эти действия. Также мемуары Г.И. Добрынина показывают взгляд на коррупцию в провинции чиновника, происходившего не из дворянского сословия. В первую очередь представляют интерес те воспоминания, которые подаются как «исповедь»: в них Г.И. Добрынин упоминает о собственных коррупционных преступлениях.

Цель исследования заключается в определении отношения государства к феномену коррупции и особенностей восприятия этого феномена дворянством, находившимся на государственной службе. Понимая, что дворянство не является монолитным сословием, мы ставим задачей осветить коррупционные явления и дать характеристику отношения к коррупции как среди элиты дворянства, так и среди рядового провинциального чиновничества.

Преступление без наказания

Чиновники – это кровь государственного механизма, обеспечивающая его функционирование и взаимодействие с обществом. Численность всех служащих (включая низших служащих и вспомогательный персонал) составляла в 1763 г. 16 504 чел., но конкретно чиновничество включало в себя 1344 чел., из них потомственных дворян – 541 чел.¹² К 1775 г. численность служащих увеличилась до 49 тыс. чел., количество чиновничества также существенно увеличилось¹³.

На рубеже XVIII–XIX столетий с учетом сокращения количества губерний и уездов в результате реформы Павла I общее количество служащих сокращается по

¹² Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 354–358.

¹³ Там же. С. 432.

разным оценкам до 30–38 тыс.¹⁴ В середине XIX в. наблюдается стремительная бюрократизация государства: с 1847 по 1857 г. численность чиновников возросла с 61 548 до 90 139 чел., большая часть – чиновники низких классов (XIV–IX)¹⁵.

Вопрос состава и происхождения чиновников остается предметом, требующим отдельного исследования. Но отметим: недостаточное количество чиновников на местах во второй половине XVIII в. обусловило нехватку административного ресурса для борьбы с коррупцией, а резкий рост чиновничества после губернской реформы и в первой четверти XIX в. за счет проникновения на государственную службу недворян – к бюрократизации государственного аппарата и увеличению числа случаев коррупции.

Второй препоной на пути правосудия стала проблема возбуждения уголовного дела и начала судебного разбирательства. Основным механизмом возбуждения дел стали жалобы на взяточничество чиновников. Но они поступали лишь в тех случаях, когда взятка не приводила к решению проблемы или вела к разорению просителя. Предписания начальства, рапорты должностных лиц, анализ отчетной документации и ревизии приводили к инициации не так часто, но и в этом случае раскрываемость была низкой¹⁶. Те дела, которым государство давало ход, были лишь верхушкой коррупционного айсберга.

После проведения губернской реформы 1775 г. ситуация с расследованием коррупции еще более осложнилась: с увеличением числа чиновников и канцеляристов появляется коллективная коррупция¹⁷. Чиновники разных уровней покрывали друг друга и использовали бюрократические механизмы, чтобы скрыть свои преступления.

Государство оказалось не способно и не заинтересовано в масштабной борьбе с коррупцией, именно поэтому использовало ее в своих интересах: периодически возвращающиеся практики кормлений, с одной стороны, способствовали распространению коррупции, а с другой, – снижали расходы казны. Учитывая эти особенности взаимоотношений государства и служащих, видится необходимым определить, какое содержание вкладывало государство в феномен коррупции?

Анализ статей второй половины XVIII – первой четверти XIX в., посвященных коррупции, показывает, что издаваемые законы носили по большей части характер «моралите». Законы о коррупции, издаваемые при Екатерине II, включали в себя воззвания к совести и чести служащих. Законодательство использовалось как способ антикоррупционной пропаганды, это видно в указе от 24 августа 1762 г.¹⁸ Указы, подобные этому, были построены по традиционным литературным лекалам. «Завязка» – указание на тяжкие последствия деяния и суровость наказания в прежние времена: с ссылкой на указ Петра I отмечается – «кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или и смертью казнен будет»¹⁹. «Кульминация» – описание преступления, за что и как брал взятки наш «протагонист»:

Коллежский советник Василий Шокуров Гребенского войска с Атамана и писаря, которые приезжали для принятия на оное войско жалованной суммы, взял тулуп Калмыцкой и голову сахару и... подлежал положенному в означенном 1714 года указе штрафу²⁰.

¹⁴ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 506.

¹⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 68–69.

¹⁶ Плех О.А. Должностные преступления в местном аппарате управления первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Российская история. 2015. № 2. С. 14–17.

¹⁷ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 475.

¹⁸ ПСЗ. I. Т. XVI. № 11667.

¹⁹ Там же. № 11656.

²⁰ Там же.

И, наконец, «развязка» – завершение дела с относительно счастливым концом:

...по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующий Сенат Приказали его Шокурова от показанного штрафа облегчить, а токмо более ни к каким делам не определять²¹.

В конце указа мог быть морализаторский вывод о милосердии и раскаянии, призывавший взяточников и казнокрадов сознаваться в преступлениях для смягчения ответственности. Очевидно, что подобные указы составлялись с целью привлечь внимание к проблеме коррупции, напомнить о ее преступности и показать милосердие императорской власти.

Пропагандистская ценность законодательства разбивалась о недостаточное обеспечение законов юридической ответственностью. Ю.М. Лотман отмечает, что из-за многочисленных переизданий одних и тех же указов законы екатерининского периода были скорее символическими, нежели пригодными к исполнению²². По мнению Л.Ф. Писарьковой, с приходом к власти Екатерины II борьба с коррупцией начинает проводиться более активно. Но и она указывает на то, что Сенат рассмотрел в 1767 г. 56 коррупционных дел, закончившихся по большей части лишь дисциплинарным наказанием²³. По мнению О.А. Плех, на местах судебные учреждения не стремились сурово карать коррупционеров, пытаясь минимизировать наказание²⁴.

На рубеже столетий и в первой четверти XIX в. ситуация с антикоррупционным законодательством не изменилась. Павел I, при всей своей радикальной строгости и жесткости, смягчает законодательство о коррупции, – достаточно вспомнить указ о фактическом возврате кормлений в Эстляндской губернии²⁵.

Александр I тоже не прослыл активным борцом с коррупцией. В 1802, 1809 и 1811 гг. были изданы указы о противодействии коррупции, которые лишь подтверждали указы Петра I и Екатерины II.

Законодательные нормы являются важным источником, позволяющим определить, каким содержанием государство наполняло эти термины. Эпитеты, синонимы и коннотации становятся маркерами, которые наглядно показывают отношение к тому или иному феномену.

В законах получают отражение наиболее распространенные явления коррупции, к ним относились казнокрадство, «мздоимство» и «лихоимство». Но в законодательстве рассматриваемого периода, ввиду особенностей его развития, отсутствуют четкие рамки этих феноменов, что приводило к взаимозаменяемости этих понятий.

Размытость границ коррупции в законодательстве приводила к тому, что само понятие взятки оставалось многослойным: с одной стороны, государство законодательно определяло модели «коррупцированного» поведения и содержание понятия, с другой, – даже в условиях официального запрета при Екатерине II²⁶ и Александре I²⁷, продолжали сохраняться традиции кормлений²⁸ и в расходно-приходных книгах по вотчинам были статьи о расходах на подобные «почести» чиновникам²⁹. В результате схожие по форме и целям понятия «взятка» и «почесть» в восприятии просите-

²¹ ПСЗ. I. Т. XVI. № 11656.

²² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII – нач. XIX в.). СПб., 1994. С. 44.

²³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 386.

²⁴ Плех О.А. Должностные преступления... С. 29.

²⁵ ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19266.

²⁶ Там же. Т. XVI. № 11988.

²⁷ Там же. Т. XXVII. № 20030; Т. XXXII. № 25028; Т. XXXVII. № 28715.

²⁸ Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»... С. 3–13.

²⁹ Там же.

ля различались по своему содержанию. В первом случае проситель воспринимал ситуацию как вымогание денег против его воли, во втором – как добровольное пожертвование для продвижения дел. Грань восприятия «взятки» и «почести» была тонкой и определялась взаимодействием сразу двух субъектов в рамках этих отношений: даже небольшое превышение традиционных норм «почестей» могло привести к тому, что «подношение в честь» превратиться во «взятку»³⁰, а проситель обратиться с жалобой в государственные органы, для которых все описанные процессы однозначно были преступными.

Амбивалентность содержания «взятки» определялась динамикой принципов дворянской службы³¹. Заложенный Петром I базис обязательного денежного обеспечения государственной службы с течением времени несколько раз трансформировался от полной экономической зависимости чиновника от государства до экономического самообеспечения за счет «челобитников», то есть фактического восстановления практики кормлений.

В проанализированных нами законах второй половины XVIII – первой четверти XIX в. термины «лихоимство» и «мздоимство» часто употребляются в одном терминологическом ряду с уголовными категориями деяний «грабительство», «разбой» или «грабеж»³². Очевидно, что содержательная компонента деяний схожа по своей сути: воровство из казны государства все еще остается воровством, вымогательство взятки все еще остается вымогательством.

В основе пропаганды лежала просвещенная идея «общего блага», в которой взятки и казнокрадство есть «зло». Этот термин употребляется практически в каждой статье, которая связана с очередным запрещением коррупции³³. «Злом» взятка, согласно законодательству, является потому, что нарушает общественные интересы и приводит к «разорению», «нищенству» и «притеснениям», а люди, которые желают обогатиться таким образом, «не помышляют о добре общем»³⁴.

Эмоциональная окраска и негативная коннотация этого преступления («богомерзкое», «ужасное», «скверное лакомство», «пагубная страсть», «насилие»³⁵, «вкоренившийся порок»³⁶, «гноусное»³⁷, «пагубное», «язва»³⁸) очевидно, призвана усилить «увещевания» императрицы, и ровно с той же целью взяточничество обозначается противным Богу преступлением и нарушением присяги³⁹.

Третьим пластом, который вбирает в себя понятие «взятки», является пласт корпоративный. Коррупция антагонистична чести дворянина, достоинству человека. В уже упомянутом указе от 15 декабря 1763 г. говорится, что взяточник «не только из числа честных, но из всякого рода человеческого истреблен будет»⁴⁰. Об этом же говорят санкции к взяточникам в уже упомянутом выше указе от 24 августа 1762 г.⁴¹

Ситуация с определением феномена казнокрадства в рамках законодательства представлялась более сложной. В некоторых случаях следствию было крайне сложно доказать преднамеренность утраты бюджетных средств.

³⁰ Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»... С. 9.

³¹ Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв. С. 45–51.

³² ПСЗ. I. Т. XVI. № 11988; Т. XVI. № 11667.

³³ Там же. Т. XVI. № 11616; Т. XVII. № 12781; Т. XXVII. № 20372; Т. XXVII. № 20516.

³⁴ Там же. Т. XVI. № 11988.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Т. XVII. № 12781.

³⁷ Там же. Т. XXVII. № 20372.

³⁸ Там же. № 20516.

³⁹ Там же. Т. XVI. № 11616.

⁴⁰ Там же. № 11988.

⁴¹ Там же. № 11656.

Именно с этой точки зрения любопытно дело коллежского регистратора, рекрутского комиссара Петра Николаева об утрате двух с половиной тысяч рублей казенных рекрутских денег⁴². В 1806 г. Николаев был уличен в подделке рекрутских квитанций, записывая в них выплаты натуральным оброком, при этом взымая с плательщиков деньги. Когда это обнаружилось, Николаев, по версии следствия, изымает из опечатанного сундука деньги, рапортуя начальству, что они находятся в казне, и бежит в Москву. Но с помощью управы благочиния его находит следствие. Николаев дает противоречивые показания, заявляя, что денег он никогда не видел, их не брал, и, наконец, что потерял их уже в Москве. Следствие предполагало, что деньги не потеряны, а растрочены регистратором на собственные нужды. Но доказать это не удалось. Петр Николаев был отстранен от должности и обязан своим имуществом возместить утрату двух с половиной тысяч рублей⁴³. Дело Николаева показывает, что за «неумышленным начетом» вполне может стоять холодный расчет и коррупционные махинации.

В то же время это дело служит примером трудностей, с которыми государство сталкивается в уголовном процессе. За неимением признания вины следствие по делу могло затягиваться: суд требовал предоставления «совершенных», неоспоримых доказательств, а это означало доскональное рассмотрение всех показаний, письменных доказательств, которые признавались недействительными при малейшем несоответствии. Полицейские чиновники были загружены бумажной работой и крайне неохотно и медленно вели следствие⁴⁴. Но даже если факт казнокрадства доказать не удалось, факт исчезновения денег был неоспорим. Дело было фактически перекаленифицировано из «казнокрадства» в «утрату».

Эта особенность судебного процесса прослеживается в другом деле, о вымогательстве взятки коллежским регистратором Григорием Калягиным у Василия Сергеева, служителя вдовы московского полковника. Следствие по делу не обнаружило никаких доказательств вымогательства взятки, а единственным свидетельством стал донос Сергеева, под которым он готов был дать присягу. Но поскольку под своими показаниями присягу был готов дать и регистратор Калягин, возникла патовая ситуация⁴⁵. За неимением признания вины или более весомых доказательств обвинения с регистратора Калягина были сняты, а следствие прекращено⁴⁶.

Принцип «совершенных» доказательств затруднял процесс судебного следствия. Конечно, в ряде случаев для дворянина-коррупционера дело заканчивались обвинительным приговором, но остается лишь предполагать, сколько реальных фактов коррупции остались безнаказанными.

Итак, терминология коррупционных деяний в исследуемый нами период не нашла четкого определения. Сами термины «мздоимство», «лихоимство» и пр. остаются размытыми, а, следовательно – взаимозаменяемыми. Вводя в содержание этих терминов уголовное основание, государство и не стремится применять жесткие формы юридической ответственности к коррупционерам и не обладает для этого достаточными ресурсами. Отсутствие административного ресурса для борьбы с коррупцией, сложность возбуждения уголовного дела и жесткие требования судебного процесса в отношении доказательств коррупции, отсутствие четких дефиниций, круговая порука – вот условия борьбы с коррупцией во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Систематическая борьба сводится к переизданию законов,

⁴² Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 50. Оп. 8. Д. 132. Л. 143–152.

⁴³ Там же. Л. 326.

⁴⁴ Плех О.А. Коррупция в местном управлении... С. 769–771.

⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 9. Д. 164, Л. 34–37.

⁴⁶ Там же. Л. 40–41.

что характеризует их символическую, но не практическую сторону. Поэтому в определяемых государством категориях коррупции видится существенное противоречие между содержательной и правовой стороной: преступность деяния очевидна, а наказание за него хотя и предусмотрено, но реализуется государством редко и неохотно.

«Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве»⁴⁷

Вербализированные маркеры, заключенные в нормативно-правовых актах, предстают лишь одним из средств определения феноменов социального и их будет явно недостаточно для того, чтобы определить, как феномен коррупции воспринимался государственными служащими? Какое содержание они вкладывали в него?

Российское дворянство изучаемого периода не было единым в своем отношении к государству и службе. Но, несмотря на плюрализм идеологий от крайнего консерватизма и традиционализма до либерализма, дворянство сходится во мнении об усугублении коррупции. Уместно вспомнить и труды М.М. Щербатова, в которых прямо говорится о бесчестье коррупционеров, и произведения Д.И. Фонвизина, в которых коррупция высмеивается: «...взятки и запрещать невозможно. Как решить дело даром, за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человеческой...», – произнесет Советник, один из героев комедии «Бригадир» Д.И. Фонвизина. Проводя в пьесе границу между добром и злом, добродетелью и порочностью, Д.И. Фонвизин тем самым проводит границу между просвещенным дворянством и дворянами-традиционалистами.

М.М. Щербатов отмечает:

Чины стали все продажны... <...> ...Логинов, бывший откупщик, и не токмо вор по откупам, но и приличившейся в воровстве комисариатской суммы, чины штапския получил. Фалеев, в подрядах с государем взимая везде тройную цену, не токмо сам штапския чины и дворянство получил, но и всех своих прислужников в штап-офицеры и в офицеры произвел⁴⁸.

Элита дворянства, имеющая доступ к высшим государственным должностям, а значит и к высокому жалованию, не была лишена склонности к нечестной наживе. О злоупотреблениях аристократии не раз говорили современники. Так, М.М. Щербатов, давая оценку Р.И. Воронцову, отмечал, что граф был нечист на руку, и не переставал брать взятки даже когда был поставлен губернатором Владимирской губернии. По его ироничным словам, «...Но сокрыты оные были от государя⁴⁹, который токмо двоезнаменующем знаком: присылкою большого кошелька его укорил»⁵⁰. Заслуживает внимания суждение автора о том, что императрица была осведомлена о казнокрадстве и взятках среди чиновников, что подтверждает описанный в этом политическом анекдоте подарок.

Об Александре Романовиче Воронцове современники отзывались также, как и об отце. По словам Ф.Ф. Вигеля, прославился граф таким «бесстыдным грабительством», что императрица «принуждена была его выгнать» с места президента комерц-коллегии, а «Павел Первый никогда не хотел его употребить»⁵¹.

⁴⁷ Грибоедов А.С. Горе от ума. Издание второе, дополненное / под ред. Н.К. Пиксанова, А.Л. Гришуниной. М., 1987. С. 48.

⁴⁸ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. С. 62–63.

⁴⁹ Очевидно, автор называет государем Екатерину II, т.к. речь идет о злоупотреблениях графа Воронцова в должности Владимирского наместника. Владимирское наместничество появляется лишь в 1778 г., первым наместником стал как раз Р.И. Воронцов.

⁵⁰ Там же. С. 88–89.

⁵¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 157–158.

Сам Александр Романович отмечал:

непомерная роскошь, послабление всем злоупотреблениям, жадность к обогащению и награждению участвующих во всех сих злоупотреблениях» привели к тому, что губернская реформа 1775 г. стала «почти в тягость»⁵².

Может показаться, что в отношении взяточничества представители служилого сословия и государства сходятся во мнении о пагубности этих явлений. Но на уровне реальных социальных отношений все было не столь однозначно.

Порожденная эпохой модернизации амбивалентность мышления проявлялась в отношении к протекции. Протекция не запрещалась законодательством в изучаемый нами период, но она не была свободна от коррупции: покупка чинов оставалась незаконным явлением.

Многие дворяне, рассчитывая получить какую-либо личную выгоду, использовали институт протекции. А.Т. Болотов, Г.Р. Державин, Ф.Ф. Вигель и многие другие видные дворяне так или иначе оказывались связаны с чинопроизводством по протекции⁵³. Протекция была распространенным явлением в дворянской среде, но отношение к нему неоднозначно. Е.Н. Марасинова отмечает: награды, полученные по протекции, были самими нелюбимыми для окружающих дворян⁵⁴. И если по отношению к себе протекция воспринималась как нечто само собой разумеющееся и принималась с покорностью и благодарностью, то в отношении других – как явление бесчестное.

Эту двойственность мы обнаруживаем в воспоминаниях графа С.Р. Воронцова. Вспоминая бытность свою офицером, Семен Романович использует по отношению к своему протектору (П.А. Румянцеву-Задунайскому) позитивную лексику: «удостоил взять с собою», «с похвалой упомянул о моем поведении», «с похвалой отозвался обо мне», «был так доволен мною», «упомянул... с отличною похвалою», «драгоценная особа фельдмаршала»⁵⁵ и т.д. Благодаря протекции фельдмаршала Румянцева граф Воронцов был повышен до полковника, а затем и до бригадира.

Дворяне, с помощью протекции сумевшие обойти С.Р. Воронцова по карьерной лестнице, награждаются далеко не лестными эпитетами: «он всегда втайне завидовал моему герою»⁵⁶, «удостоены бригадирского чина единственно за то, что были зрители-ми действий нашей эскадры»⁵⁷, «по прибытии своем начал придирается ко мне»⁵⁸.

Конечно, мемуары графа Воронцова – крайне противоречивый источник, и применять его стоит с большой осторожностью как минимум из-за эгоцентричных суждений автора. Но даже с учетом этого мемуары Воронцова являются наглядным источником, позволяющим проследить изменения, происходящие в сознании дворянства во второй половине XVIII – первой четверти XIX веков⁵⁹. По мнению И.В. Петровского, «утилитарная модель», базирующаяся на идеях патриотизма и блага государства, способности каждого подданного в зависимости от сословной принадлежности выполнять обязанности, возложенные на него государством, заменяется «прагматической» моделью, основанной на ориентацию на успех, признание, карьеру любой ценой.

⁵² Записка графа Александра Романовича Воронцова о России в начале нынешнего века, представленная императору Александру Павловичу, 1801 года // Архив князя Воронцова. Кн. 29. М., 1883. С. 460.

⁵³ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. С. 66.

⁵⁴ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства... С. 101–102.

⁵⁵ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. I. № 1–4. С. 40–41.

⁵⁶ Там же. С. 40.

⁵⁷ Там же. С. 42.

⁵⁸ Там же. С. 44.

⁵⁹ Петровский И.В. Этнос российского чиновничества. С. 56–57.

С этой точки зрения любопытны мемуары Г.И. Добрынина. Занимая должность губернского стряпчего в Могилеве, Г.И. Добрынин обнаруживает противоправную торговлю казенным мачтовым лесом, которую покрывал секретарь директора экономики Быховец. Дело не начинается: Г.И. Добрынин соглашается на взятку в 500 рублей в обмен на молчание. Однако денег наш герой так и не увидел, он и сам был обманут Быховцом, обещавшим и не выплатившим в установленный срок деньги. В ответ Г.И. Добрынин дает делу ход, однако вскоре Могилевская и Полоцкая губернии объединились, и Г.И. Добрынин был переведен на другую должность.

Анализируя эти воспоминания, можно утверждать, что причинами всех вышеописанных событий стали материальные интересы автора и обида за их нарушение. Своей целью на новой должности Г.И. Добрынин видит обогащение, о чем прямо говорит перед вышеописанными событиями⁶⁰. Оправдывает взятку чиновник своим бедственным положением: «ни стола, ни дрожек»⁶¹. Возбуждает дело Г.И. Добрынин не от осознания порочности своего поступка, а от обиды на Быховца за обман и уклонение от обещанной взятки: «был дважды обманут», «пылал только мщением за ту обиду», «я одурачен», «мое честолюбие оскорблено», «я огорчен»⁶². Отсюда и столь резкая оценка личности Быховца: «непостоянен», «неверен», «лжив»⁶³.

Но в то же время Г.И. Добрынин апеллирует к категориям чести – «честь, нравственность уступили место пороку»⁶⁴; «по закону, по чести, по нравственности я не меньше грешник»; считает, что «служба есть имя священное»⁶⁵. Очевидно, что за флером этих честолюбивых фраз и обращения к идеям и идеологам эпохи Просвещения (автор в начале главы вспоминает об исповедях Ж.Ж. Руссо и Д.И. Фонвизина) скрывается коррупционная повседневность. Это обыкновение взятки любопытно тем, что осознается чиновником как факт нежелательный, вынужденный, посягающий на целостность личности. Чиновник должен пойти на сделку с совестью: так, Добрынин ищет оправдание в материальном положении чиновников, указывая, что не корысть побудила его к взятке и даже не сама бедность как таковая, а стыд за бедность!

Такая имитация корпоративной чести наводит на следующую мысль: в категорию «честь» вкладывалось содержание гаранта непорочности, и те чиновники, которые лишь только поступили на службу, вынуждены были мимикрировать в соответствии с корпоративными нормами. Случаи коррупции выходили за рамки кодекса чести дворянина, коррупция, очевидно, была нежелательным явлением, а самих дворян-коррупционеров корпорация порицала.

В то же время в сознании элиты дворянства происходило столкновение современных и архаичных тенденций, что порождало амбивалентность восприятия коррупции. И.И. Дмитриев называет практику записи в гвардейские полки с малолетства по протекции злоупотреблением, вошедшим в обыкновение⁶⁶. Ф.Ф. Вигель пишет о дворянах, получивших чины по протекции неодобрительно, но замечает, что «и никакой большой беды от того не было»⁶⁷. В конце концов, даже Д.И. Фонвизин, сатирой высмеивающий пороки дворянства, в своих письмах из Франции, описывая практику продажи чинов в Париже, заключает: это есть «зло безмерное», но «зло нужное и неотвратимое»⁶⁸.

⁶⁰ Добрынин Г. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823: в 3 ч. СПб., 1872. С. 303.

⁶¹ Там же. С. 304–305.

⁶² Там же. С. 306.

⁶³ Там же. С. 308.

⁶⁴ Там же. С. 304.

⁶⁵ Там же. С. 307.

⁶⁶ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 38.

⁶⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 298–299.

⁶⁸ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1959. С. 485–486.

Трансформация этических принципов дворянства приводила к закрытости слоя чиновничества, что влияло на развитие системы государственного управления. Эти процессы были сопряжены с учащением нелегальных форм корпоративного поведения, которые не имели должного контроля со стороны государства и общества.

Итак, в конце XVIII – первой четверти XIX в. менялась этическая основа дворянской корпорации. А вместе с тем менялось и отношение к чести и достоинству дворянина, а это уже приводило к изменению отношения к коррупции в среде прогрессивного дворянства. Итог этому процессу подвел Ф.Ф. Вигель, с толикой грусти определяя будущность России: «не чины, дворянство и добродетели ведут к знатности, а богатство, единое богатство»⁶⁹.

Выводы

В ходе исследования мы пришли к выводу, что содержание, заданное государством феномену коррупции, в значительной степени было отвлеченным, оторванным от жизни, в то время как реальная практика вырабатывала различные способы использования коррупции для достижения личных, сословных или корпоративных интересов.

Государственное определение коррупции, основанное на идее «общего блага», описывало этот феномен как абсолютное зло. Однако в законодательстве данного периода отсутствуют четкие определения явлений коррупции. Их четкие дефиниции будут даны лишь во второй четверти XIX в. Отсутствие административного ресурса для борьбы с коррупцией и последующая резкая бюрократизация государства, сложности инициации дела и жесткие требования судебного процесса в отношении доказательств коррупции, отсутствие четких дефиниций, переиздания одних и тех же указов без их реального, а не показательного исполнения выдают неспособность и нежелание государства бороться с этим «злом».

Эпоха модернизации, развитие буржуазных отношений привели к формированию двойственного отношения чиновников к коррупции. С одной стороны, служащие впитывали насаждаемую в антикоррупционных законах пропагандистскую мысль об «общем благе» и «зле». С другой, – продолжал сохраняться сословный характер мышления и пережитки родового сознания. Это определяло сохранение на уровне реальных социальных практик «легальной» коррупции: протекция, фаворитизм и пр. Использование этих практик и отношение к ним по принципу «я – хорошо, другие – плохо» приводило к легитимации подобных феноменов.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.05.2022

References

- Avdeeva, O.A., and Avdeev, V.A. “Antikorruptsionnoe zakonodatel'stvo Rossii: retrospektivnyi analiz formirovaniya mekhanizma pravovogo vozdeistviya.” *Lex Russica*, no. 1 (2020): 59–69 (in Russian).
- Aznabaev, B.A. *Pravonarusheniya sluzhashchikh dvoryan Orenburgskogo korpusa vo vtoroi polovine XVIII veka: Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021 (in Russian).
- Bychkova, S.B. “Gosudarstvenno-pravovye mery protivodeistviya vzyatochnichestvu v Rossii (XV – nachalo XX vv.)” PhD diss. N. Novgorod, 2015 (in Russian).
- Dmitriev, I.I. *Vzglyad na moyu zhizn': zapiski deistvitelnogo tainogo sovetnika Ivana Ivanovicha Dmitrieva*. Moscow: V. Got'e Press, 1866 (in Russian).

⁶⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 136.

- Dobrynin, G.I. *Istinnoe povestvovanie, ili Zhizn' Gavriila Dobrynina, im samim pisannaya v Mogileve i v Vitebske. 1752–1823*. St. Petersburg: Pechatnya V.I. Golovina Publ., 1872 (in Russian).
- Faizova, I.V. *'Manifest o vol'nosti' i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii*. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Fonvizin, D.I. *Sobranie sochineniy*. Moscow; Leningrad: Gos. Izd-vo Khudozhestvennoi Literatury, 1959 (in Russian).
- Golovanova, E.I. "Pravovye osnovy bor'by s korruptsiei v Rossii v XVI–XIX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie)." PhD diss. Moscow, 2002 (in Russian).
- Gushcheva, N.V. "Otvetstvennost' chinovnikov za dolzhnostnye prostupki i prestupleniya po russkomu dorevolutsionnomu zakonodatel'stvu v XIX – nachale XX veka." PhD diss. N. Novgorod, 2006 (in Russian).
- Klyuchevskii, V.O. *Kurs russkoi istorii*, vol. 4, part 4 of *Sochineniya*. Moscow: Mysl Publ., 1989 (in Russian).
- Korchmina, E.S. " 'V chest' vzyatok ne davat': 'pochest' i 'vzyatka' v poslepetrovskoi Rossii." *Rossiiskaya istoriya*, no. 2 (2015): 3–13 (in Russian).
- Lotman, Yu.M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii rus. dvoryanstva (XVIII – nach. XIX v.)*. St Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 1994 (in Russian).
- Marasinova, E.N. *'Priklyucheniya, v svete byvayushchie': Epizody povsednevnoi zhizni provintsial'nogo dvoryanina vtoroi poloviny XVIII veka (po Polnomu sobraniyu zakonov Rossiiskoi imperii): Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Marasinova, E.N. *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. (Po materialam perepiski)*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Martynenko, A.V., Mileshina, N.A., and Potapova, L.A. "Protivodeistvie korruptsii v Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX stoletiya." *Manuskript*, no. 11 (2020): 30–34 (in Russian).
- Metushevskaya, T.I. "Pravovoi status gosudarstvennogo sluzhashchego v Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX vv." PhD diss. Moscow, 2007 (in Russian).
- Petrovskii, I.V. "Etos rossiiskogo chinovnichestva." PhD diss. St. Petersburg, 2013 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. "K istorii vzyatok v Rossii (po materialam «sekretnoi kantselyarii» kn. Golitsynykh pervoi poloviny XIX v.)." *Otechestvennaia istoriia*, no. 5 (2002): 33–49 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. "Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v." *Chelovek*, no. 3 (1995): 147–158 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII – do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoi sistemy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Plekh, O.A. "Dolzhnostnye prestupleniya v mestnom apparate upravleniya pervoi poloviny XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii)." *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2015): 13–29 (in Russian).
- Plekh, O.A. "Korruptsiya v mestnom upravlenii pervoi poloviny XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii)." *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 6 (2015): 766–777. doi: 10.7256/2222-1972.2015.6.16972 (in Russian).
- Shcherbatov, M.M. *O povrezhdenii nravov v Rossii*. Moscow: TsBNTI Press, 1991 (in Russian).
- Solov'ev, S.M. *Sochineniya*, vol. 14. Moscow: Mysl' Publ., 1994 (in Russian).
- Sverdlov, M.B. "D.I. Fonvizin o rossiiskoi gosudarstvennosti vtoroi poloviny XVIII v. i ob istoricheskoi nauke." *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1 (2014): 60–80 (in Russian).
- Troitskii, S.M. *Russkii absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: formirovanie byurokratii*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Vigel', F.F. *Zapiski*, vol. 1. Moscow: Krug Publ., 1928 (in Russian).
- Zaionchkovskii, P.A. *Pravitel'svennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* Moscow: Mysl' Publ., 1978 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Павел Сергеевич Муравлев, магистр истории, аспирант кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; muravlevpavel13@gmail.com

Pavel S. Muravlev, Master of History, Postgraduate Student of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6, Miklukho-Maclaya St., Moscow, 117198, Russia; muravlevpavel13@gmail.com